

Валерий Мокиенко

*Доктор филологических наук,
профессор кафедры
славянской филологии
СПбГУ,
почетный профессор
Грайфсвальдского
(Германия)
и Оломоуцкого
(Чехия)
университетов,
председатель
фразеологической
комиссии
при Международном
комитете
славистов*

ДАВАЙТЕ ПРАВИЛЬНО ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ

ПОСЛОВИЦЫ...
КАК ИХ ПРАВИЛЬНО
ПОНИМАТЬ И УПОТРЕБЛЯТЬ
ТОЛКОВАНИЕ,
ПРОИСХОЖДЕНИЕ,
ИНОЯЗЫЧНЫЕ
СООТВЕТСТВИЯ

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
М74

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой

Мокиенко В.М.

М74 Давайте правильно говорить по-русски! Пословицы: как их правильно понимать и употреблять, толкование, происхождение, иноязычные соответствия. — М.: Центрполиграф, 2017. — 316 с.

ISBN 978-5-227-07263-4

Предлагаем читателям вторую книгу доктора филологических наук В.Н. Мокиенко. Как и первая книга автора — «Правильно ли мы говорим по-русски?», она адресована людям, влюблённым в родной язык, тем, кто желает излагать мысли ясно, говорить красочно и блистать остроумием. Эта книга посвящена пословицам — кратким изречениям, выражающим древнюю народную мудрость, отлитую в чёткие формулировки. Словарь-справочник предназначен для представления информации о трудных для понимания и употребления пословицах. В нём даются этимологические объяснения пословиц, приводится их мотивировка, что позволяет правильно понять смысл этих выражений и, соответственно, не ошибаться при их употреблении в речи. Для словаря отобраны пословицы, смысл которых требует комментирования. Особенностью словаря является сопоставление русских пословиц с аналогами в европейских языках. Словарь адресован самому широкому кругу читателей.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-5-227-07263-4

© Мокиенко В.М., 2017
© ООО «РТ-СПб», 2017
© ООО «Центрполиграф», 2017

Отбор пословиц

§ 3. Отбор словника для данного Словаря подчинён принципу расшифровки непонятного для среднего русскоговорящего читателя образа пословицы. Как показывает опыт, «правильность» её употребления обычно предстаёт именно как проблема исходной мотивации и того исторического и культурологического содержания, которое в пословице заложено при её возникновении.

Информации такого рода, к сожалению, ни в общих толковых словарях русского языка, ни в большинстве фольклорных собраний русских пословиц и поговорок, ни в специальных словарях пословиц читатель практически не находит. В истории русской паремиографии, т. е. словарного описания пословиц, исключениями, пожалуй, являются монументальный двухтомный труд «Опыт русской фразеологии» М. И. Михельсона (1902–1903), а в новейшее время — собрание пословиц В. И. Зимина и А. С. Спирина «Пословицы и поговорки русского народа» (2006), где даются краткие этимологические объяснения к некоторым пословицам. Разумеется, в богатейшем наследии русского фольклора малого жанра немало ценного материала для таких комментариев. Так, в классическом постоянно переиздаваемом «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова (1966, 1991) приводится немало важных для подобного комментирования данных: относительно точная хронологизация регистрации вариантов, имплицитный учёт степени употребительности и т. д. Однако задачи последовательного анализа внутренней формы русских

пословиц до сих пор, к сожалению, ни один источник не ставил, несмотря на неизменный интерес читателей к этой ипостаси нашего малого фольклора.

Попытка целенаправленного историко-этимологического комментирования русских пословиц на широком фоне европейской паремиологии была предпринята в «Школьном словаре живых русских пословиц» (СПб., 2002), составленном членами Петербургского фразеологического семинара Ю. А. Ермолаевой, А. А. Зайнульдиновым, Т. В. Кормилицыной, В. М. Мокриенко, Е. И. Селиверстовой, Н. Я. Якименко. В качестве главного редактора этого словаря такую задачу выполнял автор этих строк. В издаваемом ныне словаре обобщён и усовершенствован этот опыт историко-этимологического комментирования русских пословиц, уточнены некоторые параметры их лексикографирования, значительно расширены словник и европейские проекции сопоставления. Главное же — основной упор сделан не на презентации пословиц в современных текстах (что было главной целью «Школьного словаря пословиц»), а на расшифровке неизвестной (или недостаточно известной) читателю мотивировки пословиц.

Объектом описания в этом словаре становится поэтому корпус русских пословиц, исходный образ которых требует комментария. Хорошо известные, актуальные и часто воспроизводимые в литературном языке и живой речи пословицы с прозрачным образом и ясным происхождением (напр., *Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Простота хуже воровства; Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше; Сердце не камень; Ум хорошо, а два лучше*) в словник поэтому не включены.

§ 4. Взаимодействие «корректная этимологическая расшифровка» $\leftrightarrow$ «правильность» в паремииологии, как и при описании фразеологии и крылатых слов, разумеется, не всегда столь однозначно, прямолинейно и категорично, как этого хотелось бы нормализаторам. Хотя и для пословичного материала, как для фонетики, морфологии и лексики, «правильность» написания в целом действительно определяется этимологически корректной формой, соотносимой с другими формами языковой единицы, один лишь этимологический критерий здесь не всегда является достаточным для корректных рекомендаций в русле прямолинейной «культуры речи».

§ 5. Разумеется, и здесь имеются случаи прямого искажения формы и содержания языковой единицы. Так, незнание происхождения и исходной формы пословицы *Не так страшен чёрт, как его малюют* приводит к «смешной» ошибке (как в детской речи, так и в речи мало осведомлённых русских и русскоязычных) — *Не так страшен чёрт, как его малютка*. Ещё более казусным является искажённое употребление пословицы *Терпи, казак, — атаманом будешь: Терпи, коза, а то мамой будешь*. Такого рода употребления кажутся анекдотичными и нередко подаются в речи как пословичные анекдоты, однако они зафиксированы и на улице, и в средствах массовой информации, и в современной литературе именно как факт языковой безграмотности. Так, один из патриархов отечественной фразеологии профессор Л. И. Ройзензон в начале 70-х годов XX в. экспериментально выявил в речи русскоговорящих узбеков весьма «осовремененное» понимание старой русской пословицы *Назвался груздем — полезай в кузов*.

Оказалось, что слово *кузов* у большинства говорящих уже не связывается с народным бытовым значением — ‘короб, корзина для грибов, ягод и т. п. из лыка, прутьев или берёзовой коры’, а воспринимается как актуальное ныне обозначение части грузовой автомашины, служащей для размещения людей или грузов.

В таких случаях панацеей от возможных ошибок и является последовательный комментарий пословицы, причём комментарий не только «вещественный», но и лингвистический. Так, для приведённой выше пословицы в нашем словаре предлагается целый комплекс сведений, которые, как кажется, заинтересованному читателю помогут воссоздать всю лингвокультурологическую ауру пословицы о любимых русскими и многими славянами грибах:

«Пословица в народной речи имеет варианты *Назався груздем, лезь в кузов; Назвавшись груздем, полезай в кузов; Назвался грибом, полезай в кузов*; олон. *Ялся быць грибком, полезай в бурачок* (где *бурачок* — небольшой берестяной кузовок) и др. Известна она и другим восточным славянам: бел. *Назваўся груздок, лезь у кош; Назваўся груздом — хутчэй у кошык; Падняўся грыбком — лезь у каробку; Калі назваўся грыбам, то лезь у каробку; Абазваўся грыбам, то лезь у боршч*; (полесск.) *Калі не грыб, не лезь у каробку*; укр. *Коли назвався грибом, то лізь у кузов; Коли ся обрав грибом, то лізь у кошіль; Коли обрався грибом, то лізь у коробку; Набрався грибом — лізь у кіш; Коли-сь не гриб, не лізь у ківи; Обібрався грибом — лізь же в ківи; Коли обібрався грибом, то лізь у борщ*. Польские параллели тождественны по образу, но имеют несколько иную синтаксическую структуру: *Jeśliś grzyb, leź w kosz*

(букв. Если ты гриб — лезь в кузов); *Taki to na świecze trybmasz do kosza, kiedyś grzyb* (букв. На свете так заведено: тебе нужно полезать в корзину, если ты — гриб). Варианты показывают возможность широкой замены областного слова *кузов* — ‘короб, корзина для грибов, ягод и т. п. из лыка, прутьев или берёзовой коры’. В русской пословице более общее название гриба заменено конкретным, которое, видимо, произошло от сочетания ‘груздь гриб’ — букв. ломкий гриб (ср. рус. *груда* и лит. *gruzdùs* ‘ломкий’, объясняющие мотивировку прилагательного). Замена слова *гриб* именно *груздем* вызвана созвучием ритмического характера: *груздем* — *кузов*. Немаловажно, однако, и то, что *грузди* считались и считаются у русских одним из ценных видов грибов: уже в памятнике литературы XVI в. “Домострое” рекомендуется “грузди и рыжики солить”».

§ 6. Разумеется, каждая из выбираемых для такого рода комментариев пословица требует специального подхода, что определило как количество, так и качество предлагаемой читателю информации. В случае с заимствованной пословицей *Не так страшен чёрт, как его малюют*, напр., основное внимание уделяется собственно языковой её характеристике:

«Пословица — не исконно русская, о чём свидетельствует глагол немецкого происхождения *малевать* ‘рисовать, изображать’ (ср. нем. *malen* — ‘рисовать, красить’). Неисконна она и в других славянских языках, напр. в пол.: *Nie taki diabeł straszny, jak go malują*. Широко распространена пословица в европейских языках — ср. нем.: *Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihm malet*; англ. *The devil is not so black as he is painted* и др. В русский язык она попала в XVIII веке и

активно распространилась в городском просторечии. Пословица отражает здоровый народный скептицизм и неверие в демонологические вымыслы».

Для пословицы же *Терпи, казак, — атаманом будешь* историко-культурологическая информация выдвигается на передний план, хотя языковые детали — в первую очередь взаимодействие близкородственных языков и влияние украинского и русского фольклора на соседние славянские, — конечно же, не упускаются из виду:

«Пословица в русском языке — заимствование из украинского, где есть множество её вариантов, уточняющих исходный образ: *Терпи, козак, отоманом будеш; Терпи, хлопче, козаком будеш; Терпи, козаче, отоманом будеш; Терпи, козак, будеш їсти мед; Терпи, козак, будеш пити мед; Терпи, козаче, горе, мед будеш пити*. Она восходит к XIV–XVII вв., когда крепостные крестьяне, холопы, обнищавшие горожане убегали и селились на окраинах (*украинах*) Русского государства. Этим людей, не признающих никакой зависимости, и называли *казаками* или *вольными казаками*. Позднее вольные казаки стали особой сословной группой со своим самоуправлением из выборных лиц. *Атаман (отоман)* — выборный начальник казачьего войска и военно-административной казачьей области в старину. Слово *казак* (как и *атаман*) — тюркского происхождения, буквально значащее ‘вольный, свободный человек’.

На Украине вольный казак был одним из самых популярных героев фольклора. В трёхтомном собрании пословиц М. М. Пазяка зафиксировано 97 пословиц и поговорок о казаке с массой вариантов: *Де козак,*

там і слава; Життя собаче, зате слава козача; Козак без біди не заплаче; Коли козак у полі, то він на волі; Степ та воля — козацька доля и др. В русском языке также издавна были известны пословицы о казаках: *Купленный — холоп, а не купленный — вольный козак; Бог не без милости, казак не без счастья; Лакома овца к соли, а казак (коза) — к воле* и т. п.

В русском языке пословица стала популярной благодаря повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», где её употребляет главный герой: «Терпи, казак, атаманом будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин... кто всё вытерпит». О популярности пословицы свидетельствуют как постоянное употребление в современной литературе и публицистике, так и её шуточные переделки типа *Терпи, коза, а то мамой будешь*.

Пословица, кроме русского, попала и в другие славянские языки: бел. *Цярпі, казак, атаманам будзеиш; Цярпі, казак, а то будзець мак*; пол. *Cierp, Kozacze, atamanem będzieszz*; чеш. *Trp, kozáče, budeš atamanem*. Близки по смыслу и собственно русские пословицы, напр. *Терпение и труд всё перетрут; Бей галку и ворону, руку набьёшь, сокола убьёшь*.

Как видим, именно «дозированная» и соизмеримая с внутренним содержанием пословицы информация и оказывается доминантным признаком «правильности» для осмысления пословиц, совмещающих в себе собственно языковые и самодовлеющие текстовые свойства.

§ 7. Понимание «правильности» в интерпретации пословиц приобретает ныне важную стилистическую ипостась и в связи с их усилившейся популярностью

в живой речи, средствах массовой информации и Интернете. Для многих журналистов, писателей, шоуменов, авторов рекламных «роликов», студентов и представителей самых разных социальных групп пословицы стали своего рода инструментом и объектом языковой игры — так называемого «стёба». Как показывают материалы большого словаря «Антипословицы русского народа» (Вальтер, Мокиенко, 2005), эта игра со словом выделилась в весьма мощный пласт современного фольклора. В переделку пословиц играют все, искажая их намеренно и непреднамеренно. В мощный поток таких переделок вливаются как остроумные, чистые струи подлинного юмора, так и мутные потоки пошлого зубоскальства, не только выворачивающего народную мудрость наизнанку, но и уничтожающие её форму и смысл. Всю шкалу таких трансформаций, например, демонстрируют антипословицы, взращённые на почве нашей патриархальной паремии *Баба с возу — кобыле легче*:

Баба с возу — [и] волки сыты; Баба с возу — вузу легче; Баба с возу — вылетит, не поймает; Баба с возу — давай другую; Баба с возу — дальше будешь; Баба с возу — два сапога пара; Баба с возу — деду легче; Баба с возу — землетрясение в 5 баллов; Баба с возу — кобыла в курсе дела; Баба с возу — кобылой меньше; Баба с возу — конь в позу!; Баба с воза — ничто человеческое мне не чуждо; Баба с возу — потехе час; Бабу с возу могила исправит; И баба с возу, и волки сыты... (Там же, с. 32–33).

Толкуя в словаре эту пословицу и показывая, что патриархальные воззрения на женщину, заложенные в ней, не являются собственно русскими, а относятся к периоду средневековых установлений европейского

масштаба, автор этого словаря не приводит всей палитры антипословиц. Но имплицитно они были весьма важным аргументом для включения той или иной пословицы в корпус словаря, ведь все они — свидетельство употребительности пословицы. Тем важнее оказывается в таких случаях задача комментатора — приоткрыть завесу неизвестного в известном.

§ 8. Одна из традиционных задач раскрытия «правильности» речи — толкование устаревших, маргинальных и забытых единиц. Такого рода лексика в составе пословиц имеется, что и эту задачу делает актуальной и выполнимой. Пословицы «консервируют» немало архаичных, иноязычных или диалектных слов, требующих специального комментария. Такой комментарий в словаре даётся по мере необходимости: *батько* — ‘отец’, *пекло* — ‘ад’ (в пословице *Не лезь поперёк батьки в пекло*); *отростка* — ‘отросток’ (*Какова берёзка, такова и отростка*); *теля* — ‘теленок’ (*Ласковое теля два матки сосёт*); *кесарь* — ‘владыка, монарх’ (*Богу Богово, кесарю — кесарево*); *алтын* — ‘старая разменная монета в три копейки’ (*Не было ни гроша (ни деньги), да вдруг алтын*); *гуж* — ‘кожаная или верёвочная петля в упряжи, которой соединяют хомут с оглоблями и дугой’ (*Взялся за гуж — не говори, что не дюж*); *паче* — ‘больше, лучше’ (*Смирение паче гордости*) и др.

§ 9. Настоящий словарь значительно отличается от предыдущих и тем, что здесь многие русские пословицы «просвечиваются» сквозь призму славянских и европейских параллелей. Тем самым русское не отрывается искусственно от европейского, а органически соотносится с ним, отражая реальную генетическую

и универсально типологическую преимущество нашей общей культуры и близкого по духу фольклора. Европейские ценности, отражаемые русскими пословицами, во многом хранятся именно в языковых сусеках. Причины такого языкового параллелизма различны (они объясняются в комментариях к конкретным пословицам), но сам его факт имеет большую культурологическую ценность. Ср. несколько таких параллельных рядов, демонстрирующих русское на фоне интернационального:

НЕ ВСЁ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ — укр. *Не все то золото, що блищить*; пол. *Nie wszystko złoto, co się świeci*; нем. *Es ist nicht alles Gold, was glänzt*; англ. *All is not gold, that glitters; All that glitters is not gold*; фр. *Tout ce qui brille n'est pas or; Tout n'est pas ors qu'on voit luire*; итал.: *Non è tutt'oro quel che riluce*; лат. *Ne credas aurum, quidquid resplendet ut aurum*;

КЛИН КЛИНОМ ВЫБИВАЮТ — укр. *Клин клином виганяють*; пол. *Klin klinem wybijają (się wibija)*; нем. *Ein Keil treib den anderen*; → *Un clou chasse l'autre*; лат. *Clavum clavo ejiciendum (putant); Cuneus cuneum trudit*; др.-греч. *ἔλω τον ἕλον (ἐχρούειν) παττάλω τον πάτταλον* и др.;

КОНЬ О ЧЕТЫРЁХ НОГАХ И ТОТ СПОТЫКАЕТСЯ — бел. *Конь на чатырох нагах спатыкаецца, чалавек адным языком памыліцца*; укр. *Кінь на чотирьох ногах та спотикається; Кінь на чотирьох ногах та й то ся спотикне; Кінь на чотирьох ногах та спотикається, а чоловік єдиним язиком говорячи, може помилитися; Кінь з чотирма ногами та спотикається [а чоловік тільки дві має]; Скотина й на чотирьох ногах спотикається, а людина — на двох и др.*; пол. *Koń ta*

cztery nogi i teź się potknie; нем. *Strauchelt doch auch ein Pferd und hat doch vier Beine*; → *Un cheval a quatre pieds et si schiet* (диал.), *Il n'est si bon cheval qui ne bronche*; лат. *Quadrupes in plano — quandoque cadit in pede sano* и т. п.;

ДУРАКÓВ НЕ СЕЮТ, НЕ ÓРУТ (НЕ ПÁШУТ), ОНИ СА́МИ РАСТУ́Т (РОДЯ́ТСЯ) — бел. *Дурняў не сеюць, не жнуць; Дурняў не сеюць, а самі родзяцца*; укр. *Дурних не сіють, ні орють, а вони самі родяться; Дурнів ні сіють, ні пашують, а самі родять*; болг. *Лудите и несеяни никнат; Глупците никнат без да ги сееш*; пол. *Głupich nie trzeba siać, sami się rodzą*. Ср. нем. *Narren wachsen unbegossen*; англ. *Fools grow without watering*;

СВОЯ РУБАШКА БЛІ́ЖЕ К ТЁЛУ — бел. *Свая кашуля бліжэй да цела*; укр. *Своя сорочка до тіла ближче*; болг. *Своя риза поблизо е до свое месо*; пол. *Bliższa koszula ciału [niż sukmana]*; чеш. *Bližší košile než kabát*; серб. *Svoja je košulja najbliža*; словац. *Bližšia košeľa ako kabát*; англ. *One's shirt is nearer [to the body] than the coat*; лат. *Tunica propior pallio est*, нем. *Das Hemd ist mir näher, als der Rock*, фр. *La chemise est plus proche que le pourpoint*; ит. *Stringe più la camicia che la gonnella (il giubonne)*; исп. *Más cerca (Primero) están mis dientes, que mis (los) parientes* и др.

Такие параллели могут быть полезны и читателю, владеющему иностранными языками или изучающему их. Ведь и здесь пословицы являются весьма ценным и интересным дидактическим материалом, стимулирующим обучение и повышение культуры речи.

§ 10. Использование единого определяющего критерия для отбора единиц словарного описания имеет, как известно, свои плюсы и минусы. Плюсом

в нашем случае явилась, как кажется, сама возможность из множества реально функционирующих пословиц русского языка (а их не менее 3 тысяч) отобрать минимальное количество именно таких, которые чреватые неправильным истолкованием и употреблением. Минусом такого отбора является определенная неоднородность выделенного по доминирующему принципу корпуса пословиц. Они различаются по таким характеристикам, как частотность функционирования в текстах разного типа, социальным и хронологическим параметрам происхождения, стилистической характеристике и тематическому диапазону. Разумеется, такая разнородность свойственна и всему «пословичному полю» русского языка в целом. Однако в словаре с минимизированным корпусом пословиц она требует не только оговорки, но и корректной адекватной лексикографической квалификации.

Состав и структура словаря

§ 11. Пословицы в словаре расположены по алфавиту опорного компонента, выделяемого как субвокабула, после которой следуют описываемые единицы.

§ 12. Заголовочная субвокабула и описываемые фразеологизмы приводятся с прописной буквы:

АВО́СЬ

АВО́СЬ ДА НЕБО́СЬ (ДА КАК-НИБУ́ДЬ) ДО ДОБРА́ НЕ ДОВЕДУ́Т (НЕ ДОВЕЗУ́Т);

ГО́ЛЬ

ГО́ЛЬ НА ВЫ́ДУМКИ ХИТРА́ (ГОРА́ЗДА);

КАРАВА́Й

НА ЧУЖО́Й КАРАВА́Й РОТ (РТА) НЕ РАЗЕВА́Й
[, А ПОРА́НЬШЕ ВСТАВА́Й ДА СВОЙ ЗАТЕВА́Й];

РАБО́ТАТЬ

КТО НЕ РАБО́ТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ;

Я́МА

НЕ РОЙ (НЕ КОПА́Й) Я́МУ ДРУГО́МУ [, САМ В НЕЁ
ПОПАДЕ́ШЬ (УПАДЕ́ШЬ)].

Словарная статья
Общие сведения о пословице

§ 13. После заголовочной пословицы следует необходимая информация о ней: указываются варианты разного типа, даются стилистические пометы, толкование и, наконец, — справка о происхождении пословицы и иноязычные соответствия и параллели, помогающие объяснить её исходный образ.

Варианты пословиц

§ 14. В словаре отражены лишь наиболее актуальные варианты описываемых пословиц. Они подаются следующим образом:

а) лексические варианты — в круглых скобках:

АВО́СЬ ДА НЕБО́СЬ (ДА КАК-НИБУ́ДЬ) ДО ДОБРА
НЕ ДОВЕДУ́Т (НЕ ДОВЕЗУ́Т);

ДУРНА́Я (ДУ́РЬЯ) ГОЛОВА́ НОГА́М ПОКО́Ю НЕ
ДАЁТ;

ТЕРПИ́, КАЗА́К [, БЕДУ́], АТАМА́НОМ (АТАМА́Н)
БУ́ДЕШЬ;

НЕЛЬЗЯ ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ И ТУ ЖЕ РЕКУ (ВОДУ);

ДОРОГО ЯИЧКО К ВЕЛИКУ (ВЕЛИКОМУ, СВЕТЛОМУ, ХРИСТОВУ) ДНЮ [, А СЫР МОЛОДОЙ К ПЕТРОВУ ДНЮ];

б) синтаксические (структурные) варианты, чаще всего — эллиптированные компоненты, даются в прямых скобках:

БОГ ДАСТ ДЕНЬ, [БОГ] ДАСТ [И] ПИЩУ;

НЕ ИГРАЙ (НЕ ШУТИ) С ОГНЁМ — [ОБЖЖЁШЬСЯ];

НЕ РОЙ (НЕ КОПАЙ) ЯМУ ДРУГОМУ [, САМ В НЕЁ ПОПАДЕШЬ (УПАДЕШЬ)].

Стилистические пометы

§ 15. Принцип дифференциации посредством стилистических помет нашёл в словаре пословиц широкое применение. Описываемые пословицы здесь сопровождаются конкретизирующими пометами двух рангов:

— сферы функционирования данной пословицы (*прост.*, *диал.*, *книжн.*, *публ.*, *устар.*, *нов.*);

— экспрессивно-эмоциональной окраски (*шутл.*, *ирон.*, *одобр.*, *неодобр.*).

§ 16. Стилистические пометы дают читателю сигнал активного/пассивного употребления пословицы в литературном языке, а также указывают на рекомендуемое/не рекомендуемое для активного её использования. Так, помета *устар.* констатирует ослабленную активность употребления пословицы, хотя в ретроспективе,

учитывая её фиксацию в произведениях классиков, знание таких единиц и правильное их толкование — элемент современной культуры речи.

Толкование значений

§ 17. После стилистических помет каждая описываемая пословица снабжается дефиницией. Тем самым читатель получает истолкование её актуального в современном литературном языке значения, напр.:

НЕ БО́ГИ ГОРШКІ́ ОБЖИГА́ЮТ (ЖГУТ) [, А ТЕ ЖЕ ЛЮ́ДИ]. *Любое дело можно освоить.*

ЛЮБО́ВЬ ЗЛА, ПОЛЮ́БИШЬ И КОЗЛА́. *Прост., часто шутил. Любящий человек не замечает недостатков того, кого он любит. Говорится как совет не загадывать, кого полюбишь, либо как оправдание любви к человеку, не достойному ее, с точки зрения говорящего.*

ЛУ́ЧШЕ СИНИ́ЦА В РУКÉ (В РУКА́Х), ЧЕМ ЖУРА́ВЛЬ В НЕ́БЕ. *Лучше реально обладать немногим, чем стремиться иметь что-л. большее, лучшее, но труднодостижимое, надеяться на что-л. в будущем.*

§ 18. Центральной частью словарной статьи является, как уже указывалось, расшифровка исходного образа пословицы. Она, однако, включает параметры, необходимые для объективной историко-этимологической справки: культурологическую информацию, указание на исходную языковую принадлежность, уместные для конкретного случая иноязычные параллели, при заимствовании — языковой источник, напр.:

ПÉРВЫЙ БЛИН [ВСЕГДА́] КО́МОМ. *Первая попытка обычно бывает неудачной (из-за недостатка опыта, навыков).*

Пословица, казалось бы, основана на чисто реальном бытовом наблюдении. Пока сковорода ещё недостаточно горяча, первый блин получается «скомканным», а не лепёшкой, плохо снимается со сковороды. Такая образная логика, действительно, повлияла как на современное значение пословицы, так и на её актуальную форму. Правда, аналогичные представления о неудаче первой попытки в пословицах других народов выражаются по-иному — напр. укр. *Перша чарка колом* (ср. рус. *Первая чарка колом, вторая — соколом, а третья — мелкой пташечкой*); пол. *Pierwsze koty za ploty*; *Pierwsze śliwki robaczywki* и т. п.

Чисто «материалистическое» объяснение русской пословицы, однако, вступает в противоречие с её древними, исходными вариантами. В старинных паремнологических собраниях она звучала иначе, чем сейчас: *Первый блин и тот комом* (1736); *Первый блин да комом* (1741). В них её смысл явно противоречит нынешнему. И неслучайно. В связи с ритуальным значением блинов на Руси (их ели на Масленицу, при поминальных обрядах, на свадебных пирах и т. п.) *первый блин* считался особым и должен был быть отнюдь не «скомканным», неудачным. В Рязанской губернии, напр., при каждом обычном печении блинов, наливая на сковородку *первый блин*, призывают всех родственников присоединиться к трапезе. Там же перед погребением, выпекая блины для поминовения, *первый блин* кладут в головы покойника. В поминальных обрядах умерших родственников как бы приглашали вкусить *первый блин* (или заломленный хлеб). В Тамбовской губернии такой блин клали на слуховое

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СЛОВАРЁМ	5
Общие сведения о словаре	5
Отбор пословиц.....	6
Состав и структура словаря	17
Словарная статья.	18
Общие сведения о пословице.....	18
Варианты пословиц.....	18
Стилистические пометы.....	19
Толкование значений	20
Паремиологические синонимы.....	24
А.....	27
Б.....	32
В.....	70
Г	94
Д.....	117
Е.....	132
Ж.....	133
З.....	137
И.....	144

Валерий Мокиенко

К.....	149
Л.....	188
М.....	204
Н.....	219
О.....	227
П.....	239
Р.....	255
С.....	263
Т.....	285
У.....	289
Х.....	291
Ц.....	294
Ч.....	295
Ш.....	298
Ю.....	300
Я.....	301
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	306
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ БИБЛЕЙСКИХ КНИГ.....	309
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	310